

V U S H A A R

КОСМОЛОГИЯ КОНФУЦИАНСТВА

НЕБО УПОРЯДОЧИВАЕТ. ЧЕЛОВЕК СЛЕДУЕТ. МИР ГАРМОНИЧЕН.

ТЯНЬ (НЕБО)

НЕБО — ВЫСШЕЕ НАЧАЛО,
ИСТОЧНИК ПОРЯДКА,
ЗАКОНА И МОРАЛИ

天

ТЯНЬ

НЕБО КАК УПОРЯДОЧИВАЮЩЕЕ НАЧАЛО

ДИ (ЗЕМЛЯ)

ЗЕМЛЯ — ОСНОВА ВСЕГО,
ПИТАЕТ И ПОДДЕРЖИВАЕТ
ВСЕ СУЩЕЕ

天命之謂性
率性之謂道
修道之謂教

中庸之道
不偏不倚
和而不同

«КНИГА ПЕРЕМЕН» (И-ЦЗИН)

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ МИРА
ЧЕРЕЗ ПЕРЕМЕНЫ И ГАРМОНИЮ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ ГЕКСАГРАММ — НАЧАЛО ПОРЯДКА

乾 цян

ТВОРЧЕСТВО
НЕБО

坤 кун

ВОСПРИЕМЧИВОСТЬ
ЗЕМЛЯ

屯 чжун

НАЧАЛО ТРУДНОЕ
РОСТ

蒙 мэн

НЕВЕЖЕСТВО
ОБУЧЕНИЕ

需 сю

ОЖИДАНИЕ
СОЗРЕВАНИЕ

訟 сун

ПРЕНИЯ
РАЗРЕШЕНИЕ

НЕБО И ЗЕМЛЯ ПИТАЮТ ЖИЗНЬ.

РИТУАЛ УПОРЯДОЧИВАЕТ ОБЩЕСТВО. ДОБРОДЕТЕЛЬ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СОВЕРШЕННЫМ.

VUS HAAR

Космология конфуцианства

«Автор»

2026

HAAR V.

Космология конфуцианства / V. HAAR — «Автор», 2026

Книга «Космология конфуцианства» — это глубокое исследование развития китайской космической мысли от неолитических поселений вдоль Хуанхэ до сложных систем неоконфуцианства. Автор прослеживает, как мифы о сотворении мира, великом потопе и бессмертных божествах слились с точными астрономическими наблюдениями, создав уникальную картину вселенной, где этика и космос неразделимы. В этой картине Небо не безлично, оно дышит в ритмах инь и ян, планеты являются вестниками судеб, а созвездия отражают иерархию земного двора. Книга объясняет, почему китайцы не знали Бога-творца, но верили в самозарождение мира; как трактовались затмения, кометы и падающие звёзды; почему Луна имеет фазы, а Марс — нет, и как устроены ветры, воды, радуги и ураганы. Эта книга — живое повествование, приглашающее читателя заново открыть для себя мудрость, запечатлённую в древних звёздных картах и философских трактатах.

© HAAR V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Земля, что лежит под Небом: истоки китайской ойкумены	8
Глава 2. Вдоль Жёлтой реки: где рождались первые наблюдатели за звёздами	14
Глава 3. От охотников к земледельцам: как смена уклада породила первый календарь	20
Глава 4. Яншао и Луншань: глиняные сосуды, на которых проступили знаки космоса	25
Глава 5. Этногенез под Полярной звездой: сложение протокитайских племён	29
Глава 6. Великий потоп и его укротитель: гидрологическая катастрофа как начало цивилизации	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Космология конфуцианства

Пролог

Он стоял на вершине холма, когда западный край неба ещё хранил остатки вечерней зари, а на востоке уже проступала первая, робкая звезда. Воздух был плотным от летнего зноя, который не спешил покидать землю, и от густого запаха сухой травы, смешанного с дымом дальних костров. Внизу, в долине, расположилось селение — два десятка круглых землянок, обнесённых невысоким валом из утоптанной глины. Оттуда доносились голоса, лай собак, плач младенца, стук каменных пестов о зерно. Но на холме было тихо, и тишина эта была особенной — не пустой, а наполненной ожиданием. Человек поднял голову к небу. Он делал это каждый вечер, когда позволяли дела, но сегодня — с особой тревогой.

Он не знал, что такое Вселенная. У него не было слов для галактик, для световых лет, для гравитации. Но он знал, что над ним раскинулось нечто бескрайнее, что живёт своей жизнью, дышит, движется, и что это нечто неотвратимо влияет на его судьбу. Он видел, как Солнце каждый день умирает на западе и возрождается на востоке. Он видел, как Луна растёт, полнеет, а потом тает, оставляя лишь узкий серп, похожий на изогнутый нож охотника. Он видел, как некоторые звёзды не движутся вместе со всеми, а блуждают по небу, меняя своё место, как будто их кто-то толкает невидимой рукой. Эти блуждающие огни внушали ему особый страх и почтение. Он не знал, что это планеты. Но он чувствовал, что они важны.

Его звали — или могли бы звать — просто Старший. Он был главой рода, хранителем памяти, тем, кто отвечал за правильный порядок вещей. В его груди билось сердце, которое билось в такт с дыханием ветра. Он смотрел на небо и пытался вспомнить то, что ему рассказывал его дед, а деду — его прадед, уходящий корнями в седую древность, когда люди ещё не строили круглых землянок, а ютились в пещерах. Дед говорил, что небо — это крыша огромного дома, в котором живут духи. На этой крыше укреплены светильники — звёзды. А между ними бродят невидимые хозяева, которые иногда дают о себе знать. Он не знал, прав ли дед. Но он знал, что небо не обманывает. Оно было честным, как утренняя роса.

Эта книга начинается не с дат и не с географических карт. Она начинается с того самого взгляда снизу вверх, который был свойственен каждому человеку, жившему на этой земле. Взгляда, в котором смешались страх, благоговение, любопытство и отчаянная попытка понять: кто я, где я и зачем я здесь. Взгляда, который спустя тысячелетия привел к созданию сложнейших космологических систем, к изобретению инструментов, способных измерить ход небесных тел, к написанию трактатов, где каждая звезда получила своё имя, свой чин и свою судьбу. Взгляда, который не умер и сегодня — он только приобрёл другие очки, но суть осталась той же.

Здесь, на этих страницах, будет рассказано о том, как этот взгляд формировался и трансформировался в культуру, которую мы называем китайской. Но не в культуре вообще, а в той её ветви, которая получила имя конфуцианства. Многие привыкли считать конфуцианство сухим учением о морали, о ритуалах, о почтительности к старшим. Это правда, но только отчасти. За каждой ритуальной церемонией, за каждым предписанием о том, как вести себя при дворе императора или в семейном кругу, стоял глубокий космический смысл. Конфуций не был астрономом в современном понимании, но он был человеком, который остро чувствовал ритм Неба. Его изречение о том, что Небо ничего не говорит, но сменяет четыре времени года и порождает все вещи, — это не метафора, это квинтэссенция целого мировоззрения.

Надо сразу оговорить одну вещь, которая может удивить читателя, воспитанного на библейских или исламских традициях. В конфуцианской космологии нет Бога-творца. Нет акта творения из ничего. Нет момента, когда мир начался по мановению чьей-то воли. Вме-

сто этого есть представление о самозарождающемся, самоорганизующемся космосе, который существует вечно, пульсирует, меняется, но никогда не исчезает окончательно. И в этом космосе человек — не раб и не царь, а скорее соучастник, младший партнёр, который обязан научиться читать знаки, подаваемые Небом, и подстраивать под них свои поступки. Потому что если он не подстроится — наступят засухи, наводнения, мятежи и падение династий. Это не магия, это причинно-следственная связь, только понимаемая не механически, а органически, как связь между дождём и урожаем.

Поэтому настоящая книга — о том, как люди учились быть соучастниками. Они учились по звёздам определять время сева и жатвы. Они учились по движению Юпитера предсказывать удачу или неудачу военного похода. Они учились по форме облаков угадывать, будет ли завтра дождь или ветер. И всё это знание накапливалось, переписывалось, комментировалось, обрастало легендами и толкованиями. Возникали школы, возникали споры. Кто-то считал, что небо круглое, а земля квадратная. Кто-то доказывал, что небо похоже на куриное яйцо, а земля — на желток внутри. Кто-то отрицал всякую форму и утверждал, что вселенная бесконечна и пуста, а звёзды — это просто сгустки энергии.

Эти споры не были праздными. На них строилась политика, экономика, искусство. Император, который неправильно истолковал затмение, мог потерять доверие подданных. Астролог, который ошибся в расчёте новолуния, мог поплатиться головой. Астрономия в древнем Китае была делом государственной важности, и ею занимались не отвлечённые мудрецы, а чиновники высокого ранга, получавшие жалованье из казны и отвечавшие перед самим Сыном Неба. Это придавало знаниям особую строгость, но одновременно и ограничивало их — ведь всё должно было служить нуждам империи, её процветанию и стабильности.

Тем не менее, на протяжении трёх с лишним тысяч лет китайские астрономы сделали множество открытий, которые поражают и сегодня. Они первыми зафиксировали солнечное затмение (это случилось в 2137 году до нашей эры, если верить преданиям). Они составили подробнейшие каталоги звёзд, в которых были описаны сотни светил с указанием их координат, цвета и яркости. Они создали армиллярные сферы — сложнейшие приборы, моделирующие движение небесных тел. Они разработали календари, которые превосходили по точности европейские вплоть до XVI века. И всё это без телескопов, без микроскопов, без современной математики — только на основе неустанных визуальных наблюдений и гениальной интуиции.

Но какая же роль в этом всё принадлежит конфуцианству? Роль определяющая, хотя и не всегда очевидная. Конфуцианство дало языку, на котором говорили астрономы, не просто метафоры, а целый каркас мышления. Оно утвердило, что Небо — это не физический объект, а этический императив. Оно связало движение светил с движением человеческой души. Оно научило видеть в порядке звёзд образец для порядка в государстве. И оно же, парадоксальным образом, иногда тормозило прогресс — потому что любое новое открытие должно было вписываться в древние каноны, иначе оно объявлялось еретическим. Поэтому китайская астрономия долгое время двигалась по кругу, возвращаясь к одним и тем же схемам, перекраивая их, но не ломая до конца.

Но об этом — позже. А пока стоит вернуться на тот холм, где стоит Старший. Ночь уже вступила в свои права. Звёзды высыпали на небесном своде, как просыпанные щедрой рукой. Он различал созвездие, которое люди его рода называли Колодцем, и другое — называемое Тканью. Он знал, что когда Колодец поднимается высоко, нужно готовить поля к севу. А когда Ткань становится видна на закате, пора собирать урожай. Это знание передавалось из уст в уста, оно не было записано, потому что письменности ещё не существовало. Но оно было надёжнее любой книги, потому что оно было вписано в само небо. И он верил, что небо никогда не подведёт.

Так начинается история. Не с открытий, не с трактатов, а с этого безмолвного диалога между человеком и звёздами. Диалога, который длится и поныне. Мы, живущие в эпоху косми-

ческих телескопов и зондов, тоже по-своему ведём этот диалог, хотя слова наши стали иными. Но суть осталась: мы хотим знать, откуда мы пришли, куда идём и что ждёт нас в бесконечной чёрной глубине. И в этом мы удивительно похожи на того человека с холма, который даже не знал, что Земля — шар, но уже умел чувствовать её дыхание.

Именно это чувство, эта живая ткань восприятия и будет главным героем книги. Не факты сами по себе, а то, как люди их переживали, как превращали в мифы, в ритуалы, в философию. Каждая глава — это отдельная остановка на длинной дороге. Сначала — истоки, где космология ещё не отделена от быта, где звёзды — такие же соседи, как деревья или реки. Потом — первые царства, где появляются писцы и гадалы, и астрономия становится государственным делом. Потом — империи, которые строят обсерватории и заводят огромные штаты звездочётов. Потом — средневековье, когда конфуцианство, даосизм и буддизм переплетаются в сложный узор, и космология обогащается новыми красками. И наконец — встреча с западной наукой, которая всё перевернула, но не смогла до конца вытеснить древнее мироощущение.

Автор не ставит целью дать готовые ответы. Напротив, он хочет показать, что многие вопросы, которые волновали древних китайцев, остаются открытыми и сегодня. Что такое пространство? Есть ли у него граница? Что такое время? Возможно ли его повернуть вспять? И самое главное — каково место человека в этом колоссальном механизме или организме, который мы зовём Вселенной? Конфуцианская традиция предлагает свой вариант ответа: человек — не песчинка, а со-творец, несущий ответственность за сохранение гармонии. Это дерзкая мысль, которая и сегодня звучит свежо и вызывающе.

Но чтобы прийти к этой мысли, нужно окунуться в мир, где драконы управляют дождём, фениксы предвещают мудрых правителей, а черепахи хранят тайны судеб. Нужно научиться видеть в движении планет не просто траектории, а повествования. Нужно понять, почему для китайца созвездие — не точка, а дворец, не скопление, а министерство. Это не просто поэтическая вольность; это способ организации знания, который позволяет запоминать огромные массивы информации и связывать их с повседневной жизнью. Астрономия становится неотличимой от истории, а история — от нравоучения. И в этом синкретизме, возможно, кроется глубокая мудрость, которой нам так не хватает в эпоху узких специализаций.

Итак, книга открывается. Она будет долгой, она будет требовать внимания и терпения, но она обещает награду — возможность взглянуть на привычные вещи чужими глазами, глазами людей, живших две, три, четыре тысячи лет назад. Увидеть, что звёзды могут быть не просто шарами из плазмы, но и письменами, и музыкой, и законом. Услышать, как шумит ветер в бамбуковых рощах, как плещется вода в каналах, как поскрипывают колёса повозок, везущих дань к императорскому двору, и как над всем этим — всегда над всем — простирается Небо, молчаливое, вечное, взыскующее справедливости. Это и есть космология конфуцианства — не теория, а жизнь, не формула, а дыхание. И приглашение к этому дыханию — вот что такое этот пролог.

Пора сделать первый шаг. Вперёд, к истокам, к тем временам, когда слово «звезда» ещё не стало научным термином, а оставалось именем духа, брата, наставника. Когда ночное небо было не чужеродным объектом для изучения, а домом, где обитали предки, где вершились судьбы, где начиналось и заканчивалось всё сущее. И хотя от тех времён нас отделяют тысячелетия, свет тех же самых звёзд падает на нас сегодня. Он тот же самый свет, смещённый по длине волны, но не по сути. Он доходит до нас, чтобы напомнить: мы — часть чего-то гораздо большего, чем наша культура, наша эпоха, наша планета. Мы — часть Неба.

Информация по иллюстрациям в книге: все изображения созданы с помощью искусственного интеллекта (ChatGPT/OpenAI) и используются на законных основаниях. Автор обладает правом использовать его, включая коммерческое применение, в соответствии с условиями использования OpenAI.

Глава 1. Земля, что лежит под Небом: истоки китайской ойкумены

Представьте себе безбрежную равнину, которая тянется от края до края горизонта, и лишь кое-где её однообразие нарушают невысокие холмы, поросшие диким жасмином и полынью. Воздух здесь особенный — тяжёлый, влажный летом и пронзительно сухой зимой, когда с северных плоскогорий спускаются ветры, несущие пыль и холод. Эта равнина не была пустынной. По ней бродили стада диких лошадей и быков, в густых зарослях у воды прятались тигры, а в небе кружили орлы и журавли. Но главным сокровищем этой земли были две великие реки. Одна, жёлтая и мутная, несла свои воды с восточных склонов Тибетского нагорья, пробиваясь через лёссовые плато, и впадала в море, оставляя после себя плодороднейший ил. Другая, более южная и спокойная, но не менее полноводная, извивалась змеей среди зелёных холмов, питая рисовые чеки и тростниковые болота. Люди, пришедшие на эти берега тысячи лет назад, не могли не заметить, что их жизнь целиком и полностью зависит от этих водных артерий. Они давали пищу, но они же могли и отнять её, разлившись в бурные весенние паводки, снося хижины и заливая посевы. Так было всегда, и так будет, пока существует эта земля.

Рисунок. Земля, что лежит под Небом: истоки китайской ойкумены

Те, кто решил осесть здесь, навсегда, должны были научиться понимать язык реки, язык ветра, язык неба. И они учились. Они учились на ошибках, которые оплачивались голодом и смертью, и на удачах, когда дожди приходили вовремя, а зерно давало всходы, которых хватало до следующего урожая. Каждое поколение передавало следующему крупицы этих знаний: когда начинать сеять, как распознать приближение грозы, куда отступать, если вода поднимается слишком высоко. Но эти знания были разрознены, они жили в устных преданиях, в песнях, в приметах, привязанных к конкретному холму или излучине реки. Чтобы выжить, нужна была система — общий взгляд на мир, который объединил бы разрозненные племена в единый народ, способный противостоять суровым условиям.

Первые следы такого единства можно разглядеть в археологических слоях, которые археологи называли культурами Яншао и Луншань. Они не были империями, даже городами в привычном смысле, но они были уже чем-то большим, чем случайные стойбища охотников. Яншао, существовавшая около пяти-шести тысяч лет назад, подарила миру расписную керамику — тонкостенные сосуды с геометрическими узорами, в которых угадываются волны, молнии, спирали и треугольники. Исследователи гадают, что означали эти рисунки, но что-то подсказывает: это были не просто украшения. В спиралях, бегущих по глиняной поверхности, можно увидеть закрученный ход времени, в треугольниках — горные вершины или солнце, а в волнистых линиях — вечно движущуюся воду. Яншаоцы не оставили письменных свидетельств, но их посуда говорит красноречивее многих иероглифов: они уже жили в мире, разделённом на верх и низ, на сушу и воду, на свет и тьму. И этот мир требовал постоянного наблюдения.

Луншаньская культура, пришедшая примерно на тысячу лет позже, продвинулась дальше. Её гончары изобрели гончарный круг, её строители возводили укреплённые поселения, обнесённые глинобитными стенами, а её жрецы — или вожди — уже могли позволить себе роскошь накапливать излишки зерна и организовывать общественные работы. В раскопках Луншаня найдены кости животных с аккуратными следами гадательных знаков. Это ещё не письменность, но уже протописьменность, когда человек пытается запечатлеть вопрос, обращённый к высшим силам. И вопросы эти были просты: будет ли удачным сезон? Придёт ли дождь? Не случится ли нападение врагов? О чём бы они ни спрашивали, ответ всегда искали в небе — в полёте птиц, в направлении ветра, в положении светил. Небо было главным судьёй и главным помощником, к которому зывали в моменты неопределённости.

География этих земель не просто определила быт — она вылепила сознание. Западные пустыни и горы отрезали Китай от Великих степей и Индии, но оставляли открытыми восточные и южные направления, где море и океан манили неизведанными горизонтами. Сама земля здесь была на диво разнообразна: величественные хребты на западе, с которых стекали реки, необозримые равнины в центре, где лёсс — ветроносная пыль, оседавшая тысячелетиями, — создавал почвы невероятного плодородия, и влажные субтропики на юге, где рис и бамбук чувствовали себя как дома. Всё это разнообразие не могло не породить представления о том, что мир состоит из множества слоёв, переходов и границ. Граница между землёй и водой, между водой и небом, между жизнью и смертью — они были зыбки и требовали постоянного подтверждения через ритуал.

Для человека той эпохи космос не был абстракцией. Он был конкретным, осязаемым. Звёзды представлялись дырами в твёрдом куполе, через которые пробивается свет из другого мира. Солнце — это огненная колесница, которую кто-то везёт по небесной дороге, и если она свернёт в сторону, то лето не наступит. Луна — это глаз невидимого существа, то широко открытый, то прищуренный. Всё вокруг было одушевлённым: каждая гора имела своего духа-хранителя, каждый ручей — свою хозяйшку, каждый дуб — свой голос. И люди вступали с этими существами в переговоры, как с соседями, иногда задабривая их подношениями, иногда пытаясь их обхитрить. Это не было примитивным суеверием — это была первая космология,

где человек чувствовал себя не хозяином, но гостем, просящим разрешения на использование чужих ресурсов.

Но почему же именно эти земли, а не какие-то другие, стали колыбелью одной из самых устойчивых цивилизаций в истории? Ответ лежит в балансе между вызовом и возможностью. Слишком суровый климат не порождает сложных обществ — люди тратят все силы на выживание. Слишком мягкий климат не требует изобретательности — природа даёт всё сама, и нет нужды думать о завтрашнем дне. Здесь же, в бассейне Хуанхэ и Янцзы, климат был как раз посередине: достаточно нестабильный, чтобы заставлять приспособляться, и достаточно щедрый, чтобы вознаграждать труд. Регулярные разливы рек, напоминавшие о том, что порядок может рухнуть в любой момент, формировали характер — тревожный, но настойчивый, верящий в возможность предвидения и организации. Именно эта черта впоследствии станет основой конфуцианского идеала: достичь согласия с Небом через неустанное совершенствование.

Рисунок. Размещение древних китайцев времен Конфуция.

Этногенез древних китайцев — тема, окутанная туманом, но в этом тумане можно различить несколько ярких маяков. Лингвисты говорят о сино-тибетской языковой семье, которая отделилась от других ветвей, возможно, ещё в эпоху позднего палеолита. Генетические исследования указывают на две основные линии заселения: одна с юга, связанная с культурами рисосеяния, другая с севера, где процветало просо. Эти две волны встретились и перемешались где-то в центральных равнинах, создав ту самую этническую основу, которая позже будет

называться хуся. В мифах об этом смешении будет рассказано как о браках между братом и сестрой, Фуси и Нюйвой, которые, приняв облик змей с человеческими головами, дали начало человеческому роду. Миф, конечно, но в нём просвечивает правда: на протяжении столетий разные народы сливались воедино, и каждый приносил свои небесные знания, свою манеру считать звёзды, свой календарь.

Важно понять: в те времена не существовало слова «Китай» в нашем смысле. Были «срединные земли» — Чжунго, то есть земли, лежащие в центре известного мира. Эта концепция оказалась поразительно живучей. Китайцы считали себя народом, живущим под самым центром Неба, откуда лучи истинного порядка расходятся во все стороны. Варвары на окраинах, не знающие ритуалов и календаря, живут вне этого порядка, во тьме. Но даже эта тьма не была абсолютной — считалось, что и варвары со временем могут быть просвещены, если примут правильное учение. Космология изначально несла в себе миссионерский заряд, хотя и не агрессивный, а скорее притягательный, как вода, стремящаяся заполнить любую пустоту.

Взгляд на ночное небо с берега Хуанхэ в то далёкое время был особенно ясным — воздух был чист от дымов и пыли, и даже самые слабые звёзды казались яркими точками. Наблюдателям бросалось в глаза, что одни светила неподвижны друг относительно друга, а другие странствуют. Особенно примечателен был Юпитер, который совершал полный оборот примерно за двенадцать лет, то есть каждый год оказывался в новом созвездии. Именно это наблюдение легло в основу двенадцатеричного цикла, который до сих пор используется в восточной астрологии. Но не менее важен был и Большой Ковш, который ночью вращался вокруг Полярной звезды, и его ручка указывала на разные стороны света в зависимости от сезона. Древние земледельцы прекрасно знали: если ручка Ковша направлена на восток, это весна; на юг — лето; на запад — осень; на север — зима. Так небо становилось гигантскими часами, которые никогда не ошибались.

Но наблюдения — лишь половина дела. Важно было передать эти наблюдения дальше, сделать их общим достоянием, чтобы не полагаться на память одного старейшины. Так зарождалась традиция, которая со временем превратится в письменные трактаты. Устная школа астрономии в древнейшем Китае была, пожалуй, главной кузницей кадров: с детства мальчиков учили различать созвездия, знать их имена и приметы, связанные с ними. Это обучение не было отделено от мифов: каждая звезда имела историю, связанную с героями или богами, и запомнить её было проще, чем сухие координаты. Здесь сыграла свою роль мнемоническая сила нарратива: людям свойственно запоминать рассказы, а не списки.

Однако между космологией как набором метафор и космологией как точной наукой лежала пропасть, которую нужно было перейти. И переход этот совершался постепенно, через столкновение с практическими проблемами. Календарь, основанный на звёздах, периодически расходился с реальными природными явлениями: например, по звёздам уже наступала весна, а в поле лежал снег. Приходилось вводить дополнительные месяцы, корректировать, спорить, что же считать правильным. Такие споры нередко вели к политическим кризисам, потому что право устанавливать календарь принадлежало правителю — и если он ошибался, это означало, что он потерял поддержку Неба. Так наблюдение за космосом стало делом высшей государственной важности, и первые астрономы были одновременно и священниками, и чиновниками.

Поэтому, когда говорят об истоках китайской ойкумены, следует помнить: это не просто география, это мировоззрение, рождённое на пересечении страха перед стихией и надежды на её понимание. Каждый день человек этой эпохи вставал, выходил из своей землянки, смотрел на восток и ждал, что Солнце покажется в нужной точке горизонта, что Луна даст новолуние точно по графику, что Полярная звезда останется на своём месте, указывая неизменный север. Если всё происходило так, как ожидалось, мир был в порядке. Если нет — значит, где-то в мире что-то сломалось, и нужно искать причину и молиться о восстановлении. Эта постоянная сверка с небесными эталонами и сформировала тот склад ума, который столетия спустя

воплотится в конфуцианском требовании «выверять каждый шаг» по ритуалу, по прошлому, по воле Неба.

Первые земледельцы жили в мире циклическом, где всё повторялось: зима сменялась весной, весна — летом, лето — осенью, и так до бесконечности. Эта цикличность наложила отпечаток на отношение ко времени. Время было не стрелой, летящей от начала к концу, а колесом, вращающимся вечно. Поэтому космология конфуцианства — если вглядываться в её корни — не знает апокалипсиса в том смысле, в каком знает его христианство. Гибель мира — это лишь переход к новому циклу, как сгорает старый лес, давая место молодой поросли. И в этом глубокое утешение, и одновременно вызов: если всё возвращается, значит, каждое действие имеет значение, ибо оно вплетается в бесконечную ткань повторов.

Удивительно, но уже в те времена, ещё до появления первых династий, люди задавались вопросами, которые мы называем космологическими. Что поддерживает небо, чтобы оно не упало? Почему реки текут в одну сторону, а не в другую? Откуда берется свет, если Солнце прячется? На эти вопросы они отвечали просто: есть великая сила, которая всё упорядочила. И эта сила не личность, но принцип. Названия ей давали разные, но суть была одна — постоянство, которое незыблемо. Это постоянство они видели в ритме повторяющихся явлений и полагали, что человеческая жизнь должна соответствовать этому ритму. Когда человек танцует в такт с природой, он здоров и счастлив; когда сбивается — болеет или страдает. То же относится к целому государству.

К северу от Хуанхэ лежали степи, где обитали кочевые племена, не признававшие оседлого образа жизни. Их космология была другой — более подвижной, более зависимой от неба как пути, а не как дома. Но между этими двумя мирами шёл постоянный обмен: скотоводы покупали зерно, земледельцы — кожу и лошадей, вместе торговали, воевали, заключали союзы. Этот обмен обогащал астрономические знания: у степняков были свои названия звёзд, свои способы ориентироваться в безлунные ночи. Они передавали их земледельцам, а те вплетали в свои мифы. Так рождался синкретизм, который позже проявится в даосских практиках и буддийских заимствованиях.

Однако самое главное, что отличало эту землю от многих других, было отношение к письму. Если в Месопотамии клинопись возникла из учёта товаров, а в Египте из иероглифических надписей на храмах, то в Китае первые знаки появились именно на гадальных костях, где астрологическая и космологическая функции были неразрывны. Знак для Солнца — круг с точкой в центре — был знаком дневного светила, но также и знаком власти императора. Знак для Луны — серп — обозначал женское начало, ночь, тайну. Знак для горы — три пика — обозначал устойчивость и преграду, а также, по совпадению, использовался в названиях многих священных мест. Вся китайская письменность пропитана этой образностью, и через неё космология входила в каждый аспект жизни: от кулинарных рецептов до судебных приговоров.

Земля, лежащая под Небом, была не просто территорией, но осмысленным пространством. У неё были центры и окраины, привилегированные стороны света и проклятые, места, где можно строить храмы, и места, где нельзя даже разбивать лагерь. Эта маркированность пространства стала основой для сложной геомантии — фэншуй, которая позже разовьётся до уровня искусства и будет занимать умы философов. Но на заре цивилизации всё было проще: «верх» — там, где звёзды, «низ» — где корни растений, и между ними человек, который должен сохранять равновесие.

И ещё одна важная деталь: в древнейших слоях почти не встречается изображений космических событий как катастроф. Напротив, всё подаётся как закономерное, предсказуемое, хотя и внушающее священный трепет. Затмения описываются как временное исчезновение, но не как конец. Кометы — как гости, приходящие и уходящие. Землетрясения — как вздохи Земли. Всё это естественно, как дыхание, как биение пульса. Такой подход придавал жизни

устойчивость и позволял переносить любые невзгоды с достоинством: если Небо сотрясается, значит, так нужно для всеобщего равновесия.

Может показаться удивительным, что эти древние люди, не знавшие ни микроскопа, ни телескопа, не имевшие даже колёсного транспорта, сумели создать столь стройную систему представлений о вселенной. Но если вдуматься, то именно отсутствие отвлекающих приборов позволяло им концентрироваться на самом главном: на ритме. Они видели мир как музыку, а музыка — это и есть ритм, организованный по правилам. И они старались играть свою партию в этом большом оркестре. Не всегда получалось, но каждая ошибка была уроком, и каждый урок запоминался на века.

Вспомним Старшего с холма. Он стоял там не потому, что был учёным. Он стоял потому, что чувствовал ответственность за свой род. Он вглядывался в звёзды и видел там не просто огоньки, а расписание, которое должно быть выполнено. Если он ошибался, его род мог погибнуть. Поэтому он был предельно внимателен и предельно честен перед небом. И его честность передавалась следующим поколениям, которые уточняли его наблюдения, дополняли их, но никогда не отрицали главного: мир — это целостность, в которой всё связано со всем. Разрушь одну связь — и рухнет всё здание.

Эту мысль стоит удерживать в сознании, когда мы будем переходить к следующим главам, где появятся письменные источники, цари и жрецы, календари и обсерватории. Потому что все они — лишь продолжение того самого взгляда снизу вверх, который был рождён на берегах Хуанхэ и Янцзы, в тех древних селениях, где люди жили в землянках и верили, что Небо видит их и судит по делам их. И пусть тысячи лет разделяют нас с ними, мы всё ещё можем различить их следы — в ритуалах, в праздниках, в самих чертах лица. Мы всё ещё носители того же вопроса: что такое небо и что такое мы в нём? И пока вопрос жив, жива и космология.

Глава 2. Вдоль Жёлтой реки: где рождались первые наблюдатели за звёздами

Жёлтая река — Хуанхэ — никогда не была спокойной артерией, по которой можно плыть, мечтательно глядя по сторонам. Её воды несли с собой не только жизнь, но и угрозу, грозную и внезапную, как удар тигриной лапы. Лёссовая муть делала реку непроницаемой для взгляда, плотной и тяжёлой, а её русло постоянно менялось, словно река не могла найти себе места среди равнин и холмов. Когда она выходила из берегов, она оставляла после себя новые острова, новые старицы, новые поля, покрытые слоем плодородной грязи. Именно эта особенность — сочетание разрушительной мощи и щедрости — сделала её главным действующим лицом всех древних историй. Вдоль её берегов возникали и исчезали поселения, строились дамбы и рушились, закладывались города, которые затем смывались, чтобы через столетие возродиться на новом месте. Но люди не уходили далеко. Они возвращались, потому что знали: где есть вода, там есть жизнь, и другого такого места не найти во всей поднебесной.

Рисунок. Вдоль Жёлтой реки: где рождались первые наблюдатели за звёздами

Тех, кто жил у самой кромки воды, природа наградила острым глазом и цепкой памятью. Они замечали даже малейшие изменения в поведении реки: как меняется её цвет перед павод-

ком, как трещат ледяные заторы весной, как птицы выбирают места для гнёзд, предчувствуя изменение уровня воды. Но главное, что они замечали, было выше — в той части мира, которую река не могла достичь. Небо было недостижимым, но оно посылало свои сигналы через движение светил, и эти сигналы были не менее важны, чем подъём воды. Зимнее солнцестояние приходило ровно тогда, когда Солнце достигало самой низкой точки над горизонтом, и после этого день начинал расти. Весеннее равноденствие случалось, когда день и ночь уравнивались, и тогда река начинала просыпаться ото сна. Осенью, наоборот, ночь брала верх, и вода успокаивалась, готовясь к зимнему оцепенению. Между этими четырьмя точками разворачивался весь год, и каждый земледелец знал их наизусть, хотя и не мог объяснить, отчего так происходит.

Но знать — недостаточно. Нужно было уметь предвидеть, а для этого требовалось замечать тонкие детали. Например, появление на вечернем небе звезды Антарес предвещало наступление жары, а исчезновение Плеяд с утреннего неба означало, что осень уже близко. Эти приметы накапливались веками, превращаясь в народную мудрость, которой мог пользоваться любой, кто жил рядом с рекой. Мудрость эта не была записана, её передавали из уст в уста, часто в форме песен или загадок, чтобы легче запоминать. Один из таких текстов, дошедший до нас в позднейших пересказах, гласил: «Когда рука Большого Ковша указывает на Юг, небо плавится от жара; когда на Север — коченеет земля». Это было поэтично и точно одновременно, и в этом заключалась сила устной традиции: она соединяла знание с красотой, заставляя запоминать не только сухой факт, но и образ.

Первые наблюдатели за звёздами вдоль Хуанхэ были, скорее всего, теми же людьми, кто охотился, рыбачил и возделывал землю. В их среде не было профессиональных астрономов, но были люди, обладавшие особым даром: они могли смотреть на небо и видеть закономерности там, где другие видели лишь россыпь огней. Этих людей называли «смотрящими на небо» — или просто «мудрыми стариками». Они не получали особого статуса, но к их советам прислушивались, потому что они редко ошибались. Ошибка в предсказании могла стоить урожая, а значит, и жизни, поэтому репутация таких людей держалась на точности их знаний, а не на происхождении или богатстве.

Вдоль реки археологи находят следы древнейших астрономических наблюдений в самых неожиданных местах. Например, кости животных, на которых вырезаны линии, напоминающие современные календарные сетки. Или фрагменты керамики с кругами и точками, расположенными так, что они точно соответствуют фазам Луны. Исследователи спорят, были ли эти рисунки случайными или же преднамеренными. Но если принять во внимание, что подобные изображения встречаются на разных стоянках, разделённых сотнями километров, становится ясно: это не случайность, а осознанная система символов, которая использовалась для фиксации времени. Более того, некоторые узоры на сосудах Яншао явно имитируют расположение звёзд в созвездии Ориона, что позволяет предположить, что это созвездие было известно уже в пятом тысячелетии до нашей эры.

Однако для чего древним людям мог понадобиться Орион, спросит читатель? Ответ кроется в сельском хозяйстве. Орион появляется на небе в определённые сезоны, и его восход или заход может служить сигналом для начала пахоты или сбора урожая. В разных культурах мира Орион ассоциировался с охотником или земледельцем, и китайская традиция не стала исключением. В более поздних источниках это созвездие будет называться Шэнь — что означает «три звезды», но также будет ассоциироваться с богом войны и охоты. Важно подчеркнуть: для человека той эпохи не существовало разрыва между наблюдаемым светилом и его мифологическим содержанием. Звезда не просто была «точкой»; она была сущностью, имеющей характер, волю, даже имя. Называя звезду, человек устанавливал с ней личную связь, и эта связь помогала ему в повседневности.

Вдоль Хуанхэ формировался особый ритм жизни, который позже был зафиксирован в классических текстах как «следование Небу». Это означало, что каждый месяц года имел свои приметы, свои запреты и свои действия. Например, в первом месяце нельзя было рыть землю, потому что она ещё спала; в пятом месяце нужно было готовить жертвы духам рек; в девятом месяце начинали запасать дрова на зиму. Все эти предписания были не произвольными — они опирались на астрономический календарь, который определял, когда Небо даёт зелёный свет на те или иные труды. Кто нарушал этот порядок, рисковал навлечь на себя гнев невидимых сил. Астрономия становилась моралью, а мораль — астрономией.

Интересно, что многие из древнейших наблюдений совершались не ночью, а на заре или на закате, когда на небе одновременно видны и заходящие, и восходящие светила. Именно в эти «сумеречные часы» можно было заметить, как одни звёзды уступают место другим, как меняется картина неба в зависимости от времени года. Позднее этот метод назовут «гелиакическим восходом» — когда звезда впервые появляется на утренней заре после периода невидимости. Для древних наблюдение такого восхода было событием, которое отмечалось ритуалом: считалось, что звезда возвращается к людям после того, как побывала в мире мёртвых, и приносит с собой вести о будущем. Эти обряды были простыми, но искренними: люди кланялись, приносили пищу на алтарь, иногда танцевали. Они встречали звезду как старого друга.

Впрочем, не стоит идеализировать эти древние общества. Жизнь вдоль Хуанхэ была суровой, и смотреть на звёзды могли далеко не все. Большинство людей было слишком занято добычей пропитания, чтобы поднимать голову вверх. Но в каждом селе были те, кто брал на себя эту обязанность, и со временем она стала наследственной. Сын мудрого старика учился у отца, а тот — у своего деда, и так складывалась династия хранителей небесного знания. Когда же возникали споры о том, правильны ли предсказания, авторитет таких хранителей решал всё. Это была ранняя форма специализации, которая впоследствии приведёт к созданию государственной астрономической службы.

Но вернёмся к географии. Хуанхэ течёт по территории, которая сегодня называется Северо-Китайской равниной, но в древности эта равнина была не такой, как сейчас. Здесь росли густые леса, водились носороги и слоны, что кажется почти невероятным современному глазу. Климат был теплее и влажнее, чем сегодня, и это позволяло земледелию развиваться с поразительной быстротой. Но вместе с теплом приходили и наводнения, которые, как уже говорилось, были главным врагом. Одно из самых ранних письменных упоминаний о наводнении содержится в легенде о великом Юе, который усмирил потоп, прокопав каналы. Позже эта легенда будет канонизирована, но её истоки лежат именно в повседневном опыте жителей Хуанхэ, которые веками боролись с водой, и в этой борьбе вырабатывался их характер — упорный, коллективистский, верящий в силу организованного труда.

Наблюдение за звёздами в такой среде не было эскапизмом. Это был инструмент выживания. Если ты знаешь, когда река разольётся, ты можешь подготовиться: укрепить дамбы, перенести имущество на возвышенности, успеть собрать урожай. А чтобы знать это, нужно следить за Плеядами или Орионом, которые предвещают смену сезонов. Поэтому между астрономией и гидравликой существовала прямая связь, которую позже зафиксируют в канонах: «Небо даёт знак, Земля отвечает, человек действует». Это триада стала основной для всей китайской культуры, и она родилась именно на берегах Жёлтой реки, где взаимодействие неба, земли и человеческого труда было видно воочию.

Кроме практического значения, у наблюдений за звёздами было и глубокое символическое измерение. Полярная звезда, например, воспринималась не как физический объект, а как воплощение центра мира, точки, вокруг которой вращается всё остальное. Она находилась на северном полюсе неба, и к ней были обращены лица императоров, когда они совершали жертвоприношения. В древнейших текстах Полярную звезду называли «Тай-и» — Великое Единое, или «Небесный Император». Она олицетворяла собой ту абсолютную стабильность, которой

должны подражать правители на земле. Если правитель неподвижен в своей справедливости, как Полярная звезда, то все его подданные будут двигаться вокруг него по правильным орбитам, как другие звёзды. Эта метафора — не просто украшение речи, это конкретная руководящая идея, которая находила воплощение в архитектуре дворцов, в ритуалах, в судебных решениях.

Вдоль Хуанхэ также были распространены культы, связанные с Луной. Луна имела женское начало, и ей поклонялись как богине — Хань, что значит «Холод», или Чаньэ, которая позже превратится в героиню мифа. Её фазы ассоциировались с женскими циклами, с менструацией и плодородием, а также с ночными таинствами, которые не подлежали разглашению. В некоторых поселениях существовали специальные женские ритуалы, проводимые в полнолуние, когда женщины выходили на берег реки и пели песни, обращённые к Луне. Эти песни были полны метафор, в которых Луна сравнивалась с лодкой, с лицом, с зеркалом. Но главное, что они пытались установить связь: как Луна влияет на воду, так она влияет и на человеческую жизнь. И хотя это влияние не было научно доказано, оно чувствовалось на уровне интуиции, и эта интуиция сохранялась веками.

Со временем вдоль Хуанхэ сложилась целая сеть взаимосвязанных общин, каждая из которых имела свой астрономический календарь, но все они были похожи друг на друга, потому что небо над ними было общим. Различия касались лишь деталей: где-то отмечали восход Сириуса, где-то — заход Веги, но общая основа — четырёхсезонный цикл и разделение года на приблизительно двенадцать лунных месяцев — была единой. Это единство свидетельствовало о том, что уже в ту эпоху существовали межплеменные связи, возможно, даже общие собрания, на которых обсуждались календарные вопросы. Такие собрания, вероятно, проходили во время зимнего солнцестояния, когда все работы завершались и у людей появлялось время для обмена знаниями.

Уровень астрономической грамотности этих древних людей можно оценить по количеству сохранившихся артефактов. Найденные в разных местах костяные и каменные пластины с зарубками, расположенными с удивительной регулярностью, напоминают современные счетные доски. Археологи предполагают, что это были примитивные календари, где каждая зарубка соответствовала дню, а группы зарубок — неделям или фазам Луны. Но самое примечательное — это ошибки. На некоторых пластинах зарубки сбиваются, потом исправляются, и по этим исправлениям можно проследить, как люди учились считать время, как они корректировали свои расчёты, приближаясь к истине. Каждая ошибка была бесценным опытом, который записывался, пусть и без букв, на кости или камне, чтобы будущие поколения уже не повторяли её.

В то же время нельзя сказать, что эти наблюдения были полностью рациональными. В них всегда присутствовал элемент магии, вера в то, что звёзды не просто существуют, но активно вмешиваются в судьбы. Считалось, что если звезда падает, это означает смерть какого-то великого человека; если комета появляется, это предвещает войну или эпидемию. И эти представления не были маргинальными — они разделялись практически всеми, включая самых опытных звездочётов. Более того, они были удобным инструментом для управления: правитель мог объявить, что появление кометы — это знак его собственного величия или, наоборот, предупреждение, требующее немедленных реформ. Так астрономия становилась частью политики, а политика — частью астрономии.

На берегах Хуанхэ не строили гигантских мегалитов, подобных Стоунхенджу, но это не значит, что здесь не было астрономических сооружений. Существуют данные, что некоторые курганы и захоронения ориентированы по сторонам света с поразительной точностью, а в планах некоторых древних городов прослеживается привязка к движению Солнца в дни равноденствий. Вероятно, существовали и деревянные конструкции — столбы или обелиски, — которые использовались для измерения тени в течение дня. От них остались лишь ямки в земле, но даже этих ямок достаточно, чтобы понять: люди тщательно фиксировали высоту Солнца над

горизонтом, чтобы определять даты сельскохозяйственных работ. Такая практика, называемая «гномоном», была известна в Китае, возможно, ещё в третьем тысячелетии до нашей эры.

Но как именно выглядел день древнего астронома? Представьте: утро, туман стелется над рекой, воздух влажный и прохладный. Человек выходит из хижины и направляется к площадке, где установлен вертикальный шест. Он садится на корточки, смотрит, как падает тень, и отмечает её длину с помощью палочки. Он делает это каждый день, в один и тот же час, и запоминает, когда тень была самой короткой — это означало, что Солнце достигло зенита, то есть наступил летний день. Когда тень была самой длинной — значит, наступила зима. Между этими крайностями он высчитывал моменты равноденствия, когда день и ночь равны. Он не знал, почему это происходит, но он точно знал, когда это происходит, и его знания кормили всё село.

Эта повседневная рутина была священнодействием, хотя сам человек мог не осознавать этого в полной мере. Каждое его движение было частью большого космического танца, в котором Солнце, Луна и звёзды играли свои партии. Он был не учёным, но жрецом, не экспериментатором, но хранителем. И именно в этой двойственности заключалась сила древнего знания: оно было одновременно и практичным, и сакральным. Не было нужды разделять их, потому что в реальной жизни они сливались воедино.

Со временем наблюдения вдоль Хуанхэ стали более систематическими. Люди начали замечать, что через определённые промежутки времени повторяются не только сезонные явления, но и положения планет. Особенно это касалось Юпитера, который, как уже упоминалось, совершал свой путь за двенадцать лет. Двенадцать — это число, которое легко делилось на четыре сезона, на три месяца в каждом сезоне, и поэтому оно стало основой многих циклов. Отсюда, вероятно, берёт начало двенадцатиричная система счисления, которая до сих пор используется в китайской астрологии для обозначения лет, месяцев и часов. Но даже тогда, в третьем или втором тысячелетии до нашей эры, это число уже было священным. Не случайно в мифах фигурируют двенадцать рек, двенадцать гор, двенадцать небесных врат.

Впрочем, несмотря на все успехи, первые наблюдатели сталкивались с проблемами, которые казались неразрешимыми. Например, лунный год (двенадцать лунных месяцев) составлял приблизительно 354 дня, а солнечный год — 365 с четвертью. Это расхождение в одиннадцать дней создавало постоянную путаницу: через несколько лет весна по лунному календарю наступала уже не весной, а зимой. Как быть? Выход был найден в виде вставки дополнительного месяца через каждые два-три года, чтобы синхронизировать календари. Но решение это было несовершенным, и споры о том, когда именно вставлять месяц, велись столетиями. Именно эти споры, возможно, стали толчком к созданию более точных систем наблюдения, включая запись положений Солнца в течение года.

Важно отметить, что многие из этих наблюдений делались не в одиночку, а коллективно. Несколько человек могли одновременно следить за разными светилами, а потом сравнивать результаты. В таких условиях вырабатывался язык общения, техническая терминология, которая была понятна только посвящённым. Эта терминология со временем перерастёт в письменные трактаты, но на первом этапе она была исключительно устной. Люди договаривались о знаках, о жестах, о том, как называть ту или иную звезду. Эти договорённости сохранялись веками и передавались из поколения в поколение, создавая невидимую нить преемственности.

Итак, вдоль Жёлтой реки шла напряжённая работа ума, которая не прекращалась ни днём, ни ночью. Ночью — чтобы смотреть на звёзды, днём — чтобы анализировать и запоминать. И пусть они не знали ни формул, ни инструментов, кроме палки и собственных глаз, они достигли поразительных результатов: определяли даты солнцестояний с погрешностью в несколько дней, предсказывали затмения (хотя и не всегда точно), различали планеты по цвету и яркости. Всё это делало их не просто жителями реки, но её мыслителями, её глазами в небо.

К концу этого периода, который охватывает примерно третье тысячелетие до нашей эры, на берегах Хуанхэ уже сложился устойчивый культурный комплекс, который можно назвать протокитайским. Он имел свою мифологию, свои ритуалы, свои астрономические представления, которые впоследствии будут интегрированы в более развитую систему династического периода. Но самое главное, что он имел — это опыт. Опыт общения с космосом, которое было интимным и непосредственным, без посредников в виде книг или авторитетов. Каждый новый сезон был проверкой этого опыта, и каждый пройденный сезон укреплял веру в то, что мир познаваем.

И в этом, возможно, заключается главный урок, который древние наблюдатели передали нам через толщу веков: Вселенная не молчит. Она говорит с нами на языке, который можно выучить, если прислушиваться. Не обязательно иметь телескоп, чтобы услышать её шёпот; достаточно просто смотреть вверх, открыть глаза и позволить себе удивляться. Так же, как делали это те, кто стоял на берегах Хуанхэ, когда Жёлтая река шумела у их ног, а звёзды горели над головой, и между ними, в этом промежутке, находился человек, готовый понять и принять свой космический долг.

Глава 3. От охотников к земледельцам: как смена уклада породила первый календарь

Переход от кочевой жизни к оседлой произошёл не вдруг, не по приказу какого-то вождя и не в результате единого великого озарения. Это была медленная, почти незаметная трансформация, растянувшаяся на многие поколения, когда люди, жившие охотой и собирательством, постепенно обнаружили, что некоторые растения можно не просто находить в лесу, но и выращивать рядом с жилищем. Сначала это были случайные всходы проса или риса, которые появлялись там, где рассыпались зёрна во время еды. Потом — осознанные попытки бросить семена в землю и дожидаться урожая. Удача сменялась неудачей, но, как это часто бывает, удачных случаев становилось всё больше, потому что люди учились на ошибках, запоминали, какая почва лучше, какая влажность нужна, какой срок между посевом и сбором оптимален. И когда количество накопленного опыта достигло критической массы, охота перестала быть главным источником пищи. Её место заняло земледелие, и с этого момента мир изменился навсегда.

Это изменение было не просто хозяйственным. Оно затронуло все стороны жизни: социальную структуру, верования, искусство и, что самое важное для нашего повествования, отношение ко времени. Охотник живёт настоящим мгновением. Он отслеживает добычу, он реагирует на её движения, он зависит от сиюминутной удачи. Его время — это цикл дня и ночи, успешной охоты и голодного дня. Но земледelec вынужден думать о будущем. Он должен знать, когда наступит весна, чтобы вовремя вспахать поле; когда пройдут дожди, чтобы увлажнить посевы; когда наступит осень, чтобы собрать урожай до того, как ударят морозы. Он должен планировать на месяцы вперёд, а иногда и на годы, потому что некоторые культуры требуют долгого ухода. Для этого ему нужна была система отсчёта времени, которая была бы надёжнее, чем интуиция или приметы погоды. Так родилась потребность в календаре.

Но календарь не возникает из пустоты. Его создание требует внимательного наблюдения за небесными телами, потому что только они дают регулярные, повторяющиеся сигналы, которые можно использовать как эталоны. Солнце восходит и заходит каждый день, Луна меняет свои фазы с удивительной последовательностью, звёзды возвращаются на те же места в небе через год. Именно эти ритмы стали основой для первых календарных систем. И хотя мы не знаем точного имени первого человека, который догадался связать фазу Луны с приливом или положение Солнца с временем посева, мы можем быть уверены, что это произошло именно в тот момент, когда земледелие стало доминирующим занятием.

Археологические раскопки на поселениях Яншао и Луншань дают нам косвенные доказательства этого перехода. В слоях, относящихся к периоду около пяти тысяч лет назад, резко увеличивается количество каменных серпов, зернотёрок и пестов для толчения зерна. Одновременно уменьшается количество наконечников стрел и гарпунов. Это явное свидетельство смены приоритетов: люди больше не тратят силы на дальние охотничьи походы, они сосредоточены на обработке земли. Но вместе с серпами и зернотёрками в этих же слоях находят и другие предметы — костяные пластины с нарезками, расположенными группами, и глиняные черепки с нацарапанными линиями, которые напоминают графики. Учёные спорят, были ли это примитивные календари или просто украшения, но многие склоняются к тому, что перед нами именно свидетельства счёта времени. Ритм нарезок часто соответствует лунным месяцам, а группировка по три или четыре намекает на сезонное деление.

Вероятнее всего, первые календари были лунными. Луна видна каждую ночь (если небо ясное), и её фазы легко различимы даже невооружённым глазом. Новолуние, первая четверть, полнолуние, последняя четверть — эти четыре точки делят месяц на примерно равные отрезки, и каждая из них могла служить сигналом для определённых работ. Например, в ново-

луние, когда небо тёмное, удобно выходить на ночную охоту или рыбалку; в полнолуние, когда светло, можно работать до позднего вечера. Но главное — лунный цикл длится около двадцати девяти с половиной дней, что удобно для счёта: от одного новолуния до другого проходит достаточно времени, чтобы завершить какой-то этап полевых работ, но не слишком много, чтобы сбиться с ритма. Поэтому неудивительно, что практически все древние цивилизации начинали с лунного календаря, и китайская не стала исключением.

Однако лунный календарь имел серьёзный недостаток: он не совпадал с солнечным годом. Двенадцать лунных месяцев составляют примерно 354 дня, что на одиннадцать дней короче, чем время между двумя весенними равноденствиями. Если пользоваться только лунными месяцами, то через несколько лет начало весны сместится на лето, а зима наступит посреди осени. Для земледельца это была катастрофа: он сеял бы свои зёрна в неправильное время и терял урожай. Поэтому на каком-то этапе древние наблюдатели поняли, что нужно согласовывать лунный календарь с солнечным, а для этого необходимо отслеживать не только Луну, но и Солнце, и звёзды, которые указывают на сезоны.

Как же они это делали? Одним из самых простых и эффективных методов был гномон — вертикальный шест, воткнутый в землю на ровной площадке. В течение дня тень от шеста меняет свою длину и направление, и по этим изменениям можно было определить полдень, восход и закат. Но важнее всего было измерять длину тени в полдень в разные дни года. Самая короткая тень означала день летнего солнцестояния, когда Солнце стояло выше всего. Самая длинная тень — зимнее солнцестояние, когда Солнце опускалось к горизонту. Между этими двумя точками лежали равноденствия, когда тени имели промежуточную длину. Записывая эти наблюдения из года в год, древние могли определить продолжительность солнечного года и вставлять дополнительные месяцы в лунный календарь, чтобы синхронизировать его с сезонами. Так родился лунно-солнечный календарь, который впоследствии стал основой китайского времяисчисления.

Но гномон требовал постоянного места и регулярного наблюдения. Не каждое село могло себе это позволить. Поэтому часто использовались более простые приметы: цветение определённых растений, поведение птиц, направление ветров, появление или исчезновение ярких звёзд на утреннем и вечернем небе. Например, восход Сириуса на заре в Древнем Египте предвещал разлив Нила; в Китае аналогичную роль играли Плеяды и другие звёздные скопления. Каждое племя имело свой набор ориентиров, проверенный веками, и этот набор передавался как сокровище. Постепенно, благодаря торговле и обмену, эти локальные системы унифицировались, и к концу неолита на территории Северного Китая сложилось нечто вроде общего календарного стандарта.

Стоит подчеркнуть, что создание календаря было не только научным, но и религиозным актом. В древних верованиях время считалось священным, и его правильное измерение было формой общения с богами. Тот, кто знал, когда наступит новолуние или солнцестояние, обладал властью над природой, мог предсказывать будущее и влиять на судьбы людей. Поэтому первые календари часто составлялись жрецами или вождями, которые совмещали административные и духовные функции. Они объявляли начало месяца, назначали даты праздников и жертвоприношений, определяли благоприятные и неблагоприятные дни для сева, жатвы, свадеб или военных походов. Календарь становился инструментом управления обществом, и его точность была вопросом не только урожая, но и политической стабильности.

Легенды, сохранившиеся в поздних текстах, повествуют о мудрецах древности, которые первыми создали календарь. Один из них — Жёлтый император Хуан-ди, который, согласно мифу, повелел своим приближённым разработать систему счисления времени, чтобы согласовать земледелие с движением небесных тел. Другой — его потомок Чжуань-сюй, который, как говорят, установил первый календарь, основанный на точном наблюдении за Солнцем и Луной. В этих легендах, конечно, много вымысла, но они отражают важный факт: уже в глубокой

древности люди осознавали ценность календаря и связывали его появление с именами великих правителей. Это показывает, что астрономия с самого начала была делом государственной важности, а не частным увлечением.

Однако календарь — это не только практическая таблица. Это ещё и мировоззрение, способ упорядочить восприятие времени и пространства. В китайской традиции календарь тесно связан с циклами инь и ян, с пятью стихиями, с десятью небесными стволами и двенадцатью земными ветвями. Эти категории возникли не на пустом месте; они выросли из наблюдений за природными ритмами и попыток объяснить их.

Археологи находят на стоянках эпохи неолита кости с аккуратными насечками, расположенными группами по пять-десять штук, и эти насечки явно соответствуют дням лунного месяца. Некоторые учёные полагают, что это своего рода «календарные палочки», на которых владетель отмечал прошедшие дни, ожидая новолуния или полнолуния. Но были и более сложные конструкции, например, каменные круги, выложенные на земле, где расположение камней соответствовало определённым фазам Солнца и Луны. Эти круги служили не только измерительными приборами, но и сакральными пространствами, где проводились ритуалы, связанные с началом сезона. Люди собирались там, зажигали костры, пели песни и приносили жертвы духам, чтобы те благоволили к их посевам. Таким образом, астрономия и религия шли рука об руку, укрепляя друг друга.

Но переход к земледелию принёс не только календарь, но и новую социальную организацию. Оседлый образ жизни требовал хранения зерна, защиты урожая от воров и диких животных, совместного строительства ирригационных каналов. Всё это усиливало роль вождей и старейшин, которые теперь распоряжались не только людьми, но и временем. Им принадлежало право объявлять начало сева, момент сбора урожая, дни праздников. И это право они основывали на своих астрономических знаниях, которые тщательно скрывали от простых общинников. Так зарождалась элита, которая монополизировала небесную мудрость, и это стало первым шагом к формированию государственной структуры, где астрономы были одновременно и жрецами, и чиновниками.

Разница между охотником и земледельцем проявлялась и в отношении к окружающей среде. Охотник берёт от природы, не изменяя её коренным образом; земледелец же вторгается в неё, вырубает леса, осушает болота, меняет русла рек. Он чувствует себя не гостем, а хозяином, и это чувство хозяина постепенно формирует представление о том, что человек способен не только приспособливаться к миру, но и перестраивать его по своему разумению. Однако, в отличие от западных культур, китайский земледелец не вступал в конфликт с природой — он стремился к гармонии, к тому, чтобы его вмешательство было мягким и своевременным. А для этого нужно было знать ритм, и этот ритм снова приводил его к небу.

Земледельческие календари первых общин были удивительно точными. К примеру, в культуре Мацзяяо, существовавшей на северо-западе современного Китая около четырёх тысяч лет назад, найдены сосуды с изображениями, которые интерпретируются как записи солнечных затмений. На одном из таких сосудов нанесена спираль, внутри которой расположены точки, и исследователи полагают, что это схема движения Солнца и Луны во время затмения. Если это так, то перед нами свидетельство того, что уже тогда люди не только наблюдали затмения, но и пытались их фиксировать, чтобы в будущем предсказывать. Это был колоссальный скачок мысли: от простого созерцания к систематическому анализу.

Самым большим достижением этой эпохи стало открытие того, что год можно разделить на четыре основные вехи: зимнее и летнее солнцестояния, весеннее и осеннее равноденствия. Эти точки были легко определяемы по длине тени от вертикального шеста — гномона. В день летнего солнцестояния тень была самой короткой, в зимнее — самой длинной, а в дни равноденствий — средней. Запомнив эти даты, земледельцы получали надёжные ориентиры, которые не зависели от погоды или местности. Именно эти четыре точки стали основой для всех

последующих календарных систем, и они же легли в основу мифологии: каждому из них соответствовал свой цвет, своё животное, своё божество.

Кроме того, земледельцы заметили, что некоторые события в природе происходят с удивительной регулярностью, совпадающей с астрономическими датами. Например, перелётные птицы прилетали в одно и то же время, деревья начинали цвести в одни и те же дни, рыба шла на нерест по строгому графику. Эти явления стали называть «феноменами», и они вошли в календарь как дополнительные признаки, помогающие уточнить наступление того или иного сезона. Так возникли двадцать четыре сезона — система, которая значительно позже будет канонизирована, но свои корни берёт именно в крестьянских наблюдениях. Земледелец не просто смотрел на небо, он смотрел на всё вокруг, и его знание было синтетическим, объединяющим все доступные чувства.

Лунный календарь с его двенадцатью месяцами был слишком неточным, и рано или поздно вставал вопрос о необходимости вставного месяца. Эта практика, известная как «интеркаляция», была известна уже в глубокой древности. Египтяне и вавилоняне тоже ею пользовались, но в Китае она приобрела особый размах. Наблюдения за Солнцем и звёздами позволяли определить, когда именно нужно добавить тринадцатый месяц, чтобы привести лунный календарь в соответствие с солнечным. Решение этой задачи требовало не малых интеллектуальных усилий, и оно стало одной из главных обязанностей астрономов на протяжении всей истории. Ошибка в интеркаляции могла привести к тому, что праздники и сельскохозяйственные работы сбивались, и правитель терял свой мандат Неба.

В этом контексте возникает вопрос: почему же китайцы, будучи столь искусными наблюдателями, не перешли на чисто солнечный календарь, как египтяне или римляне? Ответ кроется в том, что Луна имела для них не только практическое, но и глубокое символическое значение. Лунный месяц ассоциировался с женским началом, с плодородием, с цикличностью жизни. Солнечный год был слишком линейным, слишком мужским, слишком жёстким. Китайский ум тяготел к равновесию, и сочетание лунного и солнечного в одном календаре было для него идеальным решением. Так родился лунно-солнечный календарь, который существует до сих пор, и он стал одной из визитных карточек китайской цивилизации.

Заметим, что переход от охоты к земледелию повлиял не только на календарь, но и на всю структуру мышления. Охотник живёт в линейном времени: он выслеживает зверя, убивает его, и история заканчивается. Земледелец живёт в циклическом времени: он сеет, выращивает, собирает, снова сеет. Эта цикличность пронизывает всю китайскую философию, включая конфуцианство. Человек в ней не герой, который совершает подвиг и уходит, а садовник, который ухаживает за садом и ждёт, когда он принесёт плоды. Сама идея вечного возвращения, которую мы встречаем в поздних текстах, имеет свои корни именно в этом сельскохозяйственном цикле, где всё умирает и возрождается, но никогда не исчезает окончательно.

Первый календарь был не просто счётчиком дней, но и своего рода этическим кодексом. Он говорил человеку, когда можно радоваться, а когда следует скорбеть, когда нужно трудиться, а когда — отдыхать. Нарушение этих предписаний считалось грехом не только перед общиной, но и перед самим Небом. Поэтому календарь воспринимался как священный текст, вписанный в природу, и его изучение было делом благочестивым. Постепенно возникла традиция составлять «Календарные наставления» — предписания для каждого месяца, в которых перечислялись дозволенные и недозволенные действия, рекомендации по здоровью, правилам поведения в семье и на поле. Эти наставления передавались из уст в уста и позже легли в основу конфуцианского ритуала.

Смена уклада жизни привела к рождению новой науки — хронометрии, которая стала фундаментом всех остальных наук. Без точного календаря невозможна ни администрация, ни налогообложение, ни планирование ирригационных работ, ни организация армии. Поэтому астрономия в Китае всегда имела прикладной характер, но при этом была окутана ореолом

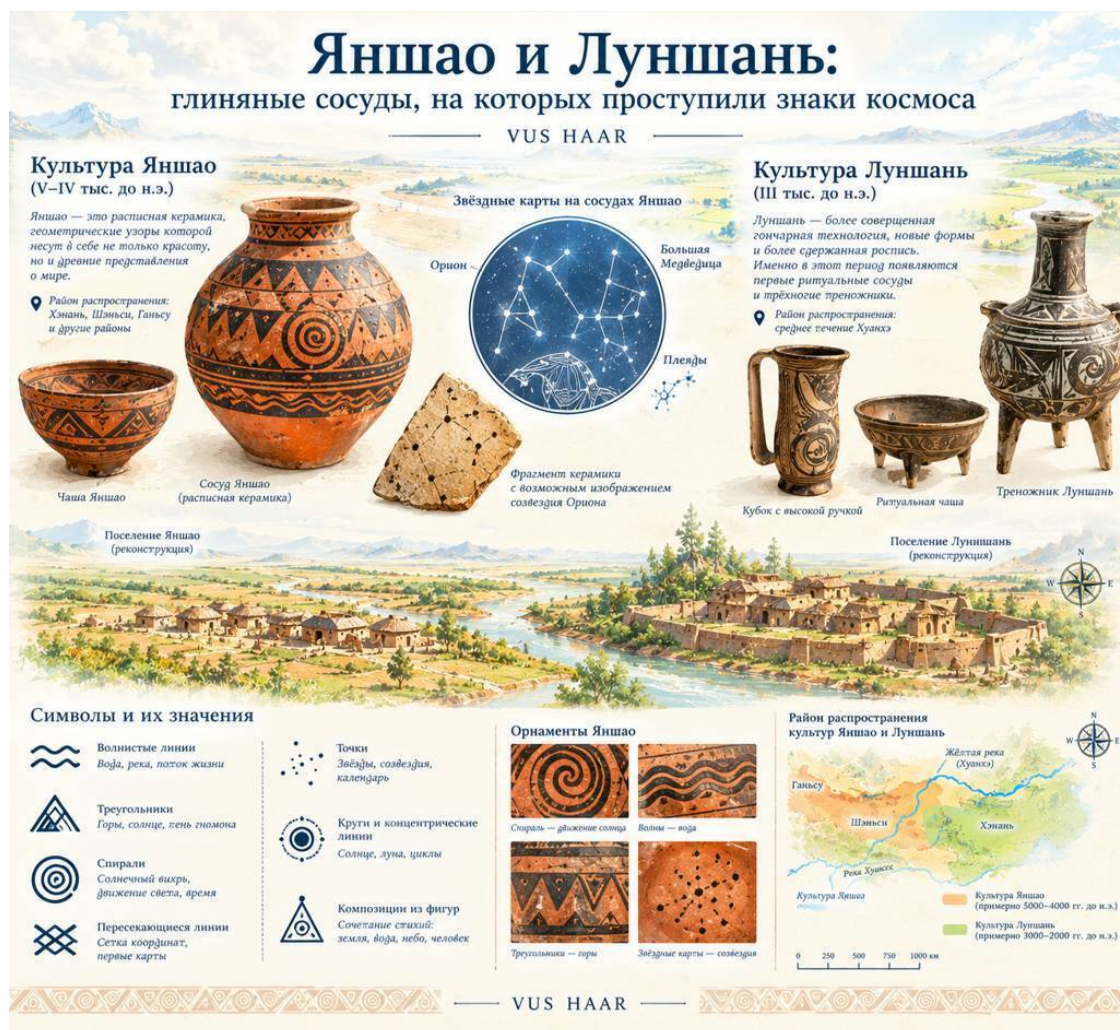
мистики. Её изучали не ради абстрактного познания, а ради конкретной пользы, и эта польза измерялась не только в мешках зерна, но и в сохранении порядка в государстве. Когда в следующей главе мы перейдём к культурам Яншао и Луншань, станет понятно, как эти ранние календарные представления нашли своё воплощение в материальной культуре — в керамике, в архитектуре, в погребальных обрядах.

Переход к земледелию не был одноразовым актом, а длительным процессом, растянувшимся на тысячелетия. Каждое поколение добавляло что-то своё к копилке знаний, уточняло наблюдения, совершенствовало методы. И в этом медленном, терпеливом накоплении и заключалась сила цивилизации, которая впоследствии смогла создать гигантские империи и просуществовать непрерывно дольше всех других культур на Земле. Умение ждать, умение наблюдать, умение подчинять свои действия ритму вселенной — эти качества, привитые земледелием, стали частью национального характера, и они же определили путь развития астрономии в Китае, отличный от пути Запада. Там астрономия стремилась к завоеванию неба, здесь — к гармонии с ним. И в этом различии, возможно, кроется ответ на вопрос, почему китайская космология так сильно отличается от европейской.

Глава 4. Яншао и Луншань: глиняные сосуды, на которых проступили знаки космоса

Когда археолог впервые касается рукой черепка, который пролежал в земле пять или шесть тысяч лет, он чувствует нечто большее, чем просто холодную глину. Он чувствует время. Время, застывшее в узоре, который нанёс неизвестный мастер, живший в эпоху, когда ещё не было ни пирамид, ни стен Урука, ни даже первых иероглифов Египта. Но на этих черепках уже проглядывает космос. Спирали, зигзаги, треугольники, круги — всё это не случайные каракули, а язык, на котором говорила вселенная с человеком. И самые выразительные примеры такого языка оставили после себя две великие культуры неолита: Яншао и Луншань.

Яншао процветала примерно в пятом-четвёртом тысячелетиях до нашей эры в среднем течении Хуанхэ, на территории современной провинции Хэнань, Шэньси и Ганьсу. Её название происходит от деревни, где были сделаны первые находки, но с тех пор подобные поселения обнаружены на огромной территории, что говорит о широком распространении этой культуры. Её главная отличительная черта — великолепная расписная керамика, покрытая красной, чёрной и коричневой краской. Узоры на ней поражают своей геометрической строгостью: повторяющиеся треугольники, ромбы, спирали, волнистые линии. Исследователи уже давно заметили, что многие из этих орнаментов имеют не просто декоративное, но и символическое значение. Волнистая линия, например, почти наверняка изображает воду или реку — главную стихию, от которой зависела жизнь. Треугольник может быть горой или конусом тени, отбрасываемой гномоном. Спираль — это солнечный вихрь, движение света по небу. А пересекающиеся линии — возможно, сетка координат, первые намёки на картографию.

Рисунок. Яншао и Луншань: глиняные сосуды, на которых проступили знаки космоса

Но самое интересное — это изображения, которые можно интерпретировать как звёздные карты. На некоторых сосудах из Яншао точки расположены в определённом порядке, который напоминает расположение звёзд в созвездиях Ориона, Большой Медведицы или Плеяд. Если это не случайность, то перед нами древнейшие астрономические изображения в Китае. Они подтверждают, что уже тогда люди не просто смотрели на небо, но и пытались запечатлеть его в материале, чтобы передать будущим поколениям. Более того, расположение точек часто связано с фазами Луны, что указывает на лунный календарь. Мастер, наносивший рисунок, мог быть одновременно и жрецом, который знал, когда наступает новолуние и когда Луна достигает полной фазы. Он вплетал это знание в орнамент, делая его частью повседневной жизни, — каждый раз, когда женщина брала в руки этот сосуд, чтобы налить воду или хранить зерно, она прикасалась к космическому порядку.

Культура Луншань, которая пришла на смену Яншао примерно в третьем тысячелетии до нашей эры, была более продвинутой в технологическом отношении. Её гончары изобрели гончарный круг, что позволило создавать более тонкие и однородные сосуды. Роспись на них стала более сдержанной, но зато появились новые формы — трёхногие треножники, ритуальные чаши на ножках, кубки с высокими ручками. Эти предметы явно использовались не только в быту, но и в культовых церемониях, и их символика стала более абстрактной. На смену волнистым линиям пришли чёткие геометрические бордюры, меандры и сложные переплетения линий, которые символизировали связи между разными мирами — верхним, средним и ниж-

ним. Именно в Луншане появляются первые протогородские центры, обнесённые стенами, где жили правители и жрецы. Здесь же найдены кости домашних животных с гадательными знаками — это уже прямая предтеча письменности, которая возникнет спустя несколько столетий.

Космология находит отражение и в планировке самих поселений Луншаня. Их дома часто ориентированы по сторонам света, а главная площадь или храм располагается в центре, что символизирует центр мира, точку опоры для всей вселенной. В некоторых раскопках обнаружены ямы с остатками жертвоприношений, расположенные по кругу, — явный аналог священного круга, обозначающего небесный свод. В этих ямах найдены зерна, кости, керамика, иногда — останки людей. Похоже, что луншаньцы приносили жертвы духам Неба и Земли, чтобы обеспечить плодородие и защиту от врагов. Их ритуалы были сложными и многоступенчатыми, они включали танцы, пение, возлияния, а также наблюдение за небесными знаменьями. И все эти действия были жёстко привязаны к календарю, который они унаследовали от предшественников.

Интересно, что в Луншане появляются первые признаки социального неравенства. В некоторых захоронениях найдены богатые инвентари: нефритовые украшения, бронзовые предметы, множество керамики. В других — почти ничего. Это означает, что уже тогда существовала элита, которая аккумулировала богатства и власть. Эта элита, скорее всего, была тесно связана с астрономическими знаниями. Те, кто умел предсказывать затмения или сезоны, могли требовать от общины приношений и подчинения. Астрономия стала не просто наукой, но и инструментом политической власти, и эта тенденция только усилится в последующие династические периоды.

Археологические находки из Луншаня также позволяют предположить, что они использовали систему счисления, основанную на двенадцати. Некоторые сосуды украшены орнаментом, состоящим из двенадцати повторяющихся элементов, что может быть связано с двенадцатью месяцами года или с двенадцатью земными ветвями. Двенадцать — это число, которое будет играть огромную роль в китайской космологии, астрономии и астрологии. Оно связано с циклом Юпитера, который, как уже упоминалось, совершает оборот за двенадцать лет, и с делением дня на двенадцать двойных часов. Можно смело утверждать, что основы этой системы были заложены именно в неолитических культурах, задолго до появления первых империй.

Как же конкретно Яншао и Луншань повлияли на последующую космологию? Они создали язык визуальной символики, который использовался для фиксации астрономических явлений. Этот язык был понятен не только узкому кругу жрецов, но и широким массам, потому что он был вплетён в повседневные предметы. Каждый крестьянин, беря в руки миску с узором в виде спирали, знал, что это означает путь Солнца. Каждая женщина, украшая сосуд волнообразной линией, понимала, что она рисует реку жизни. Космология была демократична — она жила не в книгах, а в вещах, в привычках, в памяти народа. И когда через тысячу лет появятся письменные трактаты, они лишь оформят то, что уже существовало в подсознании поколений.

Но не стоит забывать, что эти культуры были не единственными на территории древнего Китая. На юге, вдоль Янцзы, развивались другие общины, такие как культура Хэмуду, которая специализировалась на выращивании риса. Их космология была иной, более связанной с водой и тропическими циклонами. Тем не менее, между северными и южными культурами шёл активный обмен, что обогащало астрономические знания. Например, культура Хэмуду оставила после себя деревянные постройки на сваях, которые ориентированы по магнитному полюсу, что свидетельствует о глубоких познаниях в навигации. Но в целом, именно северная традиция — Яншао и Луншань — стала фундаментом для последующей государственной идеологии, потому что именно там были заложены основы земледелия на сухих полях и ирригационных систем.

Говоря о керамике Яншао и Луншаня, нельзя обойти вниманием фигурки животных и людей, которые также встречаются на этих территориях. Некоторые из них, например, глиня-

ные статуэтки черепах, связаны с культом, который позже перерастёт в легенды о черепахе, держащей на своей спине карту мира. Черепаха в китайской мифологии — это не просто животное, а космическая опора, символ долголетия и мудрости. Возможно, уже тогда люди видели в ней образ вселенной, её твёрдой, неподвижной основы. На панцире черепахи проступают линии, напоминающие меридианы и параллели, — и это совпадение породило представление о том, что небо и земля имеют ту же структуру, что и черепаший панцирь. Позже этот образ будет использован в гадательных практиках.

Яншао и Луншань — это не просто археологические культуры, это этапы формирования космологического сознания. Через них мы можем увидеть, как человек учился превращать хаос в порядок, как он связывал видимый мир с невидимым, как он придавал знакам силу. И когда мы держим в руках черепок с рисунком спирали или треугольника, мы держим в руках фрагмент того самого первого разговора человека с небом, который не прерывается и поныне. Только вместо глины мы теперь используем цифровые данные, а вместо спиралей — графики, но суть осталась та же: мы пытаемся запечатлеть ритм вселенной, чтобы жить в ладу с ней. И этого нам не отнять.

Глава 5. Этногенез под Полярной звездой: сложение протокитайских племён

То, что сегодня называется единым китайским народом, в глубокой древности представляло собой пёструю мозаику племён, говоривших на разных языках, поклонявшихся разным духам и по-разному смотревших на одно и то же небо. На севере, в сухих степях, жили скотоводы, которые кочевали за стадами овец и лошадей, их мир был широким и горизонтальным, и они измеряли расстояния днями пути. На юге, в болотистых долинах Янцзы, обитали рыболовы и собиратели, которые строили дома на сваях и поклонялись водяным драконам. Между ними простирались леса и холмы, где охотники выслеживали дичь, а земледельцы возделывали просо и чумизу. Каждая группа имела свой уклад, свои мифы, свои способы гадать о будущем. Но постепенно, в течение тысячелетий, все эти разрозненные общины начали стягиваться к общему центру, подобно тому, как звёзды вращаются вокруг неподвижной Полярной. Этот процесс не был ни мирным, ни быстрым, он был полон конфликтов, миграций, смешений и взаимных заимствований, но итогом его стало появление того, что мы называем протокитайской цивилизацией, а в центре этой цивилизации оказалась идея единого Неба, воплощённого в неизменной точке на севере.

Этногенез — это всегда сложная история, в которой переплетаются лингвистика, археология, генетика и мифология. Для Китая эта история до сих пор содержит множество белых пятен, но исследователи сходятся в одном: формирование ханьской этнической общности происходило на обширной территории от Тибетского нагорья до Жёлтого моря, и ключевую роль в этом процессе сыграло несколько крупных культурных центров, каждый из которых вносил свой вклад в общую копилку. На северо-западе, в районе современной провинции Ганьсу, жили племена, которые оставили после себя яркую расписную керамику культуры Мацзяяо — их рисунки были полны спиралей и волн, словно они пытались изобразить круговорот воды и света. На востоке, в приморских районах Шаньдуна, обитали группы, которые специализировались на мореплавании и рыболовстве, и их космология была тесно связана с океаном и его приливами. На юге, вдоль Янцзы, процветала культура Лянчжу, оставившая нам грандиозные ритуальные комплексы из нефрита, где каждая пластинка, каждый цилиндр имели своё космологическое значение. И все эти группы взаимодействовали между собой: торговали, воевали, обменивались невестами и секретами ремёсел. Со временем их границы стирались, и на их месте возникали более крупные образования, которые уже можно назвать протогосударствами.

Полярная звезда стала тем символом, который объединил эти разрозненные элементы. В самом деле, для каждого племени, где бы оно ни обитало — в горах, в степи, у моря, — Северная звезда оставалась на месте. Она не двигалась, не меняла своего положения, и это было удивительно на фоне вечного движения всех остальных светил. Это постоянство, эта неизменность внушали благоговение. Она была осью, вокруг которой вращалось всё остальное, и люди начали переносить это свойство на свою социальную жизнь: если есть точка, вокруг которой строится небо, то должна быть и точка, вокруг которой строится человеческое общество. Так родилась концепция «центра», которая станет краеугольным камнем китайской политической философии. Правитель, сидящий в центре своих владений, подобен Полярной звезде, вокруг которой вращаются его подданные, как меньшие звёзды. Он не должен суетиться, не должен бегать за делами — достаточно быть неподвижным и справедливым, чтобы всё приходило в порядок само собой.

Этногенез под знаком Полярной звезды означал, что различные этнические группы, даже говорящие на разных диалектах, начинали видеть себя частью единого целого, потому что над ними всеми сияло одно и то же небо, и одна и та же звезда указывала им север. Это не означает,

что они немедленно признали друг друга братьями, но в их сознании зародилась идея о том, что существует высший порядок, который их всех объединяет, и этот порядок — небесный. Отсюда берёт начало концепция «Поднебесной» — Тянься, той самой территории, которая находится под властью Неба. Это был не географический термин в первую очередь, а скорее морально-космологический: Поднебесная — это пространство, где действуют законы Неба, где люди должны подчиняться этим законам, и где правитель, как ставленник Неба, обязан следить за их соблюдением.

Лингвистические реконструкции показывают, что протокитайский язык, от которого произошли современные китайские диалекты, начал складываться примерно в четвёртом тысячелетии до нашей эры. Это был язык, который впитал в себя элементы многих местных говоров, но приобрёл общий словарный фонд и грамматику. Интересно, что многие ранние слова, связанные с небом, звёздами и временем, имеют единое происхождение по всей территории будущего Китая. Слово «звезда» — «син» — звучало одинаково или почти одинаково у многих племён, как и слово «небо» — «тянь». Это говорит о том, что астрономические наблюдения были общей практикой, и терминология для их описания распространялась быстрее, чем бытовые названия утвари или растений. Иными словами, космология была тем мостом, который соединял разные языки, потому что небо говорит на одном языке для всех.

Археология подтверждает эту картину. На обширной территории, от Жёлтого моря до Тибета, находят сходные типы захоронений: умершие укладывались головой на север, лицом к Полярной звезде, и это было общим ритуалом для самых разных культур. Сопроводительный инвентарь мог отличаться — где-то клали нефритовые диски, где-то бронзовые ножи, где-то глиняные сосуды, — но ориентация оставалась неизменной. Север был священным направлением, направлением постоянства и вечности. И когда люди умирали, их души, как верили, направлялись именно туда, к той самой звезде, которая была центром мироздания. Этот обычай сохранялся на протяжении многих столетий и перешёл даже в династические ритуалы, где императоры приносили жертвы на северном алтаре.

Но этногенез — это не только язык и обряды, это ещё и кровь. Генетические исследования современных китайцев показывают, что их предки были результатом смешения нескольких основных популяций. Одна из них пришла с юга, из Юго-Восточной Азии, другая — с севера, из Сибири и монгольских степей, третья — с запада, из Центральной Азии. Эти потоки смешивались в бассейне Хуанхэ, и именно там, в этом котле, плавилась будущая нация. Каждая волна мигрантов приносила с собой не только новые гены, но и новые астрономические традиции. Северные кочевники хорошо разбирались в полярных созвездиях, потому что в открытых степях звёзды видны особенно ясно; южные земледельцы были экспертами по сезонным дождям, которые зависели от положения Солнца; западные скотоводы знали, как по звёздам ориентироваться в пустынях и горах. В результате этого синтеза возникла уникальная космологическая система, где сочетались элементы всех трёх традиций, но доминировала именно северная, полярная, потому что она лучше всего соответствовала идее централизованной власти.

Мифы, дошедшие до нас в поздних записях, хранят память об этом смешении. Легенды о пяти императорах, которые правили в разные эпохи, часто связывают их с разными сторонами света. Жёлтый император Хуан-ди ассоциируется с центром, он стоит над всеми, как Полярная звезда. Его соперник Чи-ю, повелитель варваров, — с востоком или югом, с хаотической силой, которую нужно усмирить. И победа Хуан-ди над Чи-ю в битве при Чжолу — это не просто военный эпизод, это космическая победа порядка над беспорядком, центра над окраиной, единой системы над множеством разрозненных культов. После этой победы, согласно мифу, Хуан-ди установил календарь, упорядочил звёзды и дал людям письменность. То есть он сделал то, что и должен делать носитель небесного мандата: он перевёл хаос в структуру.

Культурное единство, однако, не означало политического единства. Вплоть до эпохи Шан и Чжоу китайская территория была разделена на множество мелких царств и княжеств, каждое из которых имело свою династию, свой пантеон и свой календарь. Но все они признавали верховенство Неба, и все они смотрели на Полярную звезду как на символ этого верховенства. Когда правитель одного княжества хотел подчинить себе другое, он часто апеллировал к тому, что его соперник нарушил волю Неба, и это было мощным идеологическим оружием. Так космология становилась инструментом объединения, и в этом смысле Полярная звезда была не просто астрономическим объектом, но политическим концептом.

Стоит задуматься: почему именно Полярная звезда, а не какая-то другая, стала этим символом? Ведь на небе есть множество неподвижных звёзд, по крайней мере, на человеческий взгляд. Но Полярная звезда уникальна тем, что она практически не меняет своего положения даже в течение долгого времени. В древности она не была абсолютно точным полюсом — из-за прецессии земной оси роль полярной звезды в разное время исполняли разные светила, но для людей неолита и бронзового века ближайшим аналогом была звезда Тубан, или, позже, Кохаб. Однако сам принцип оставался неизменным: есть звезда, вокруг которой вращается всё. Это создавало иллюзию, что вселенная имеет центр, а значит, и человеческое общество должно иметь центр. И этот центр должен быть стабильным, как сама звезда.

Этногенез под Полярной звездой означал также формирование общего календаря. Поскольку лунный календарь был общим для всех земледельцев, а солнечный год добавлял необходимую корректировку, возникала потребность в единой системе интеркаляции. Когда разные племена договаривались о вставном месяце, они фактически договаривались о том, как они будут жить вместе. Это был акт доверия, и он требовал признания общего авторитета — того, кто может решить, когда именно добавить этот месяц. Таким авторитетом становился вождь самого сильного или самого мудрого племени. Так календарь превращался из технического инструмента в политический символ единства.

Нельзя не упомянуть и о роли женщины в этом процессе. В древних обществах женщины часто были хранительницами времени, потому что они вели счёт дням беременности, циклам Луны, смене сезонов для сбора трав. Их знания были глубокими и интуитивными, и они передавались по женской линии. Смешение племён через браки означало смешение этих календарных традиций, что обогащало общую картину. Возможно, именно благодаря женщинам в китайский календарь вошли такие тонкие наблюдения, как двадцать четыре сезона, где учитывались не только астрономические, но и биологические признаки — цветение сливы, кваканье лягушек, появление бабочек. Эта чувствительность к деталям, которая так характерна для китайской космологии, могла иметь женские корни.

Этногенез протокитайских племён был не просто демографическим процессом, но и духовным паломничеством к единому центру. Каждое племя, приходя в долину Хуанхэ, приносило свои звёзды, своих богов, свои легенды, но постепенно они все встраивались в общую систему координат, где Полярная звезда была точкой отсчёта. Племенные боги превращались в богов местных, покровителей гор или рек, а верховным становился Шанди — Владыка Неба, который восседал на своём престоле, окружённый свитой звёзд. И хотя этот образ сформировался окончательно только в династический период, его истоки лежат именно в том тысячелетнем процессе, когда люди учились смотреть на небо не как на чужое, а как на своё общее достояние.

Когда мы говорим о сложении протокитайских племён, мы не должны забывать о конфликтах. Это была не идиллия взаимопонимания, это была борьба за ресурсы и за контроль над торговыми путями. Но даже в этой борьбе астрономия играла свою роль: вожди использовали лунные и солнечные затмения как знаки, предвещающие победу или поражение, и часто именно астрономы решали, когда начинать битву. Существовали целые корпуса «небесных советников», которые были при каждом вожде, и их мнение было решающим. Знание звёзд

давало реальное военное преимущество, и те племена, у которых были лучшие астрономы, имели больше шансов на выживание и расширение.

Постепенно, в течение второго тысячелетия до нашей эры, на сцену выходит династия Шан, которая объединяет под своей властью огромные территории и создаёт первую исторически засвидетельствованную государственность. Но это уже будет темой следующих глав. Здесь же, в рамках этногенеза, важно отметить, что Шан не были первыми, кто создал единство — они лишь завершили тот процесс, который длился тысячелетия. И в основе этого процесса лежало простое, но гениальное открытие: если мы все видим одну и ту же звезду, значит, у нас всех есть один общий дом. Эта мысль, высказанная впервые, возможно, ещё в неолите, оказалась настолько сильной, что пережила и империи, и революции, и до сих пор она жива в культурном коде китайцев.

Сегодня мы знаем, что Полярная звезда — это просто одна из многих звёзд, физически ничем не примечательная. Но в глазах древних она была тем, что давало смысл их существованию. Они видели в ней гарантию того, что мир не рухнет, что порядок победит хаос, что их дети и внуки будут жить под тем же небом, под той же звездой. И когда они думали о своём происхождении, они связывали его с этой точкой, которая была для них началом всех начал. Возможно, именно это чувство — что ты часть великого вращения вокруг неподвижного центра — и стало тем клеем, который скрепил разрозненные племена в единый народ. И хотя сегодня мы смотрим на небо глазами астрофизиков, мы всё ещё можем уловить этот древний трепет, когда находим на севере ту самую звезду, которая никогда не уходит. Она остаётся там, где была всегда, и её свет, идущий к нам через сотни световых лет, напоминает о том, что единство возможно, если есть общая точка опоры.

Глава 6. Великий потоп и его укротитель: гидрологическая катастрофа как начало цивилизации

Вода — это первая стихия, с которой человек вступил в осознанный диалог, и этот диалог был полон драматизма. Она давала жизнь, она же и отнимала её, и в этом двойственном свойстве таилась глубокая космическая тайна. Ни одна катастрофа не запечатлелась в памяти древних китайцев так ярко, как Великий потоп, который, по преданию, обрушился на Поднебесную в незапамятные времена. Это был не просто разлив рек в масштабах отдельной долины — это был всеобщий коллапс водной системы, когда воды поднялись до самых горных вершин, поля превратились в бушующие моря, а люди ютились на крошечных островках суши, спасаясь от неумолимо прибывающей стихии. Этот потоп стал поворотным моментом в истории: он потребовал от человека не просто наблюдения и молитвы, но решительного действия, которое изменило бы само лицо земли.

Рисунок. Великий потоп и его укротитель: гидрологическая катастрофа как начало цивилизации

Миф о Великом потопе в китайской традиции занимает особое место, отличное от шумерских или библейских версий. Там потоп — это наказание за грехи человечества, ниспо-

сланное свыше, и спасение приходит через ковчег или через божественное вмешательство. В Китае потоп воспринимается не столько как кара, сколько как следствие нарушения космического баланса. Небо не гневается на людей — оно просто даёт сигнал, что порядок вещей нарушен, и этот сигнал может быть исправлен только человеческими усилиями. Главным героем этой драмы становится не пророк, а инженер и правитель в одном лице — легендарный Юй Великий, который не просто пережил потоп, но победил его, проложив новые русла для рек и осушив затопленные земли.

Согласно тексту «Шуцзин» («Книга документов»), потоп начался во времена правления императора Яо, одного из легендарных правителей древности. Воды разлились так широко, что «перемешались с небом», и люди не знали, куда им податься. Яо поручил своему сановнику Гуню обуздать стихию, и тот пытался сделать это с помощью дамб и запруд, но каждый раз вода прорывала преграды и заливала всё с новой силой. Гунь трудился девять лет, но успеха не достиг, и тогда Яо передал задачу его сыну Юю. Юй пошёл другим путём: он не строил стены против воды, а прокладывал для неё каналы, отводя излишки в море и создавая дренажную систему, которая позволяла земле дышать. Он прорезал горы, углублял русла, спрямлял изгибы рек, и после тринадцати лет неустанного труда вода наконец отступила, оставив после себя плодородные поля и безопасные поселения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.